

РАЗДЕЛ III.

ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Л. Л. Абрамова

К вопросу о статусе преследуемого лица в первоначальной стадии уголовного процесса

Констатация отсутствия должной законодательной регламентации процессуального статуса преследуемого лица в первоначальной стадии уголовного процесса с позиций реализации его права на защиту и возможности полноценно участвовать в процессуальных отношениях, отсутствие ясности в содержании прав и обязанностей, пределов ответственности субъекта, в отношении которого проводится проверка, приводит к их различному истолкованию, к невозможности эффективной защиты своих прав. Исследованию процессуального статуса лица, подвергаемого уголовному преследованию, на этапе возбуждения уголовного дела посвящено множество работ ведущих ученых [1–4].

Однако, несмотря на призывы ученых решить вопрос со статусом лица, в отношении которого проводится предварительная проверка, следует признать, что с 2013 г. изменений, касающихся «узаконивания» положения данного участника так и не последовало. Закономерно ли данное обстоятельство или же процесс закрепления процессуального статуса «заподозренного» требует времени для тщательной проработки? Указанные вопросы заставили автора настоящей статьи вновь обратиться к обозначенной тематике.

Первым шагом в разрешении возникшей неопределенности стало рассмотрение законодательного определения «уголовного преследования». Оно закреплено в п. 55 ст. 5 УПК РФ как процессуальная деятельность стороны обвинения, направленная на изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Вместе с тем данная конструкция не позволяет уяснить, когда именно осуществляется деятель-

ность — до того, как человек будет официально признан подозреваемым, или после? Справедливой критике подвергает данную дефиницию Л. В. Головкин, считая ее слишком общей [5, с. 37]. Приведенный аргумент вряд ли можно поставить под сомнение, учитывая, что нет единодушия в понимании уголовного преследования не только в научной среде, но и в правоприменительной практике. Для исследования его сущности обратимся к толковому словарю, где говорится, что преследование — это погоня по следам, стремление догнать и поймать, достигнуть цели [6, с. 455]. Таким образом, само слово «преследование» отражает главную особенность деятельности стороны обвинения в уголовном процессе — «установить преступника». Это явно указывает на сугубо избощительную (обвинительную) направленность анализируемого термина.

Рассмотрение научных подходов к пониманию уголовного преследования заставляет констатировать следующее. Некоторые авторы отождествляют его с обвинением. Эту позицию поддерживал И. Я. Фойницкий, который представлял уголовное преследование как деятельность обвинительного характера [7, с. 3]. Другие ученые считают, что уголовное преследование включает в себя обвинение и рассматривают их как общее и частное [8, с. 21]. Есть еще более широкое понимание уголовного преследования в виде многогранного уголовно-процессуального механизма, включающего процессуальную деятельность государственных органов по исполнению государством обязанностей признавать, соблюдать и защищать права и свободы граждан; совокупность процессуальных действий по выявлению фактов, избощающих преследуемое лицо; процессуальную деятельность по избощению подозреваемого или обвиняемого; по раскрытию преступного деяния и борьбе с преступностью [9, с. 23].

Исходя из вышеизложенных рассуждений, полагаем возможным сформулировать некоторые характерные признаки уголовного преследования. Во-первых, это одна из базовых категорий уголовного судопроизводства; во-вторых, оно носит в большей степени публичный и властный характер; в-третьих, осуществляется в строго установленном законом порядке, посредством проведения процессуальных действий; в-четвертых, в его основе лежит вероятностная степень совокупности данных о причастности лица к совершению преступления; в-пятых, оно имеет целью более полное выяснение фактических обстоятельств преступного деяния, выявление и избощение виновного.

Дальнейшее исследование сконцентрируем на уголовном преследовании в первоначальной стадии уголовного процесса. Ряд ученых отрицает

в принципе наличие уголовного преследования как такового в данной стадии, связывая момент его возникновения лишь со стадией предварительного расследования. Однако есть и те, кто не поддерживают такое мнение. Рассмотрим подробнее различные взгляды на данную проблему.

Так, некоторые процессуалисты точкой возникновения уголовного преследования считают момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела (при этом неважно, известна ли личность подозреваемого или еще нет). Полагают, что в первоначальной стадии уголовного процесса еще не может идти речь об уголовном преследовании, фактически оно начинается со стадии предварительного расследования [10, с. 8].

Другие же авторы началом уголовного преследования называют момент возбуждения дела в отношении определенного лица, чьи данные уже достоверно известны [11, с. 25]. Сторонники этой позиции убеждены в том, что уголовное преследование осуществляется исключительно в двух формах: подозрения и обвинения [12, с. 14]. В качестве подтверждения рассмотренной точки зрения также можно привести и мнение, выраженное в одном из «легендарных» постановлений Конституционного Суда РФ, из которого следует, что факт уголовного преследования и, соответственно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него [13]. Данные выводы мы полностью разделяем, акцентируем при этом внимание на тезисе о том, что преследовать можно только конкретное лицо.

В контексте рассматриваемого вопроса интересно отметить, что в советский период, в 1960 г. сущность уголовного преследования понималась именно как обвинение, соответственно, уголовно преследуемым лицом считался только обвиняемый [14, с. 190]. Подозрение и подозреваемый вошли в сферу уголовного преследования уже гораздо позже. Но при этом как теоретиками, так и самим законодателем практически оставлена без внимания деятельность правоохранительных органов в стадии возбуждения уголовного дела. В частности, неясна позиция законодателя по этому вопросу.

Таким образом, мы приходим к следующим промежуточным выводам. На стадии возбуждения уголовного дела имеется лицо, в отношении которого ведется обвинительная деятельность, ограничиваются его права и свободы, поскольку производится его фактическое задержание, доведение к следователю. Следовательно, мы можем констатировать, что

деятельность правоохранительных органов на первоначальной стадии справедливо относить к уголовному преследованию. Указанное можно охарактеризовать реальным подходом к пониманию уголовного преследования, согласно которому более значим не официальный статус лица, а факт осуществления органом власти изобличающих действий в отношении этого лица. Об этом же говорится в уже упомянутом решении: «право лица на защиту, то есть противодействие уголовному преследованию, гарантируется каждому, вне зависимости от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, — удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность» [12]. Полагаем, справедливо относить стадию возбуждения уголовного дела к одному из этапов уголовного преследования.

Обращаясь непосредственно к вопросу о статусе лица, в отношении которого осуществляется предварительная проверка, стоит заметить, что «новый» участник уголовного судопроизводства оформился в тексте закона 2013 г. в результате последовательных изменений в направлении процессуализации первоначальной стадии уголовного процесса. В статье 46 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень случаев, когда лицо получает официальный статус подозреваемого. Несложно заметить, что среди них отсутствует «начало проведения предварительной проверки сообщения в отношении конкретного лица». Таким образом, указанное лицо находится за плоскостью процессуального статуса подозреваемого, однако возникает закономерный вопрос о правах и обязанностях данного лица. К сожалению, ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ лишь в общих чертах обозначает круг таковых прав, ограничившись формулировкой «права ... предусмотренные настоящим Кодексом, в частности, не свидетельствовать против самого себя ... пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия властных субъектов». Схожие правоотношения комментирует Конституционный Суд РФ, поясняя, что Конституция предоставляет лицу право пользоваться услугами адвоката вне зависимости от наличия у этого лица официального статуса подозреваемого (еще задолго до приобретения им данного статуса); возможность пользоваться услугами защитника появляется в тот момент, когда право человека на свободу

и личную неприкосновенность было нарушено в связи с уголовным преследованием для выяснения наличия вины [12]. Таким образом, мы видим, что фактическое ограничение прав человека является достаточным для наделения его правом пользоваться услугами защитника, а наличие процессуального статуса второстепенно. Закономерно, что наделение лица возможностью защищаться с помощью адвоката-защитника основывается на осуществлении в отношении него уголовного преследования. Однако системный анализ норм о полномочиях защитника (ст. ст. 49–53 УПК РФ) не раскрывает моментов, связанных с оказанием помощи лицу, в отношении которого проводится проверка. Таким образом, нужно признать, что на сегодняшний день процессуальные возможности данного участника не определены.

Прогнозируя критику оппонентов, считающих, что регулирование, предусмотренное в ст. 144 УПК РФ, является оптимальным и что статья предусматривает участие адвоката, а не защитника, поскольку защищаться пока не от чего, попытаемся развить данную версию. Если уголовное преследование еще не осуществляется, тогда и обязанность обеспечивать защитника по назначению ставится под сомнение. Еще один аргумент — невозможно совмещение в уголовном деле одним лицом одновременно двух статусов: свидетель или подозреваемый, защитник или адвокат. Правдоподобнее выглядит гипотеза о том, что именно защитник должен представлять интересы преследуемого лица на этапе предварительной проверки. Тогда рациональным представляется назвать заподозренного полноценным подозреваемым и наделить его таким же объемом прав.

Аргументами «за» отождествление статуса подозреваемого и статуса лица, в отношении которого ведется предварительная проверка, являются следующие факторы. Во-первых, основываясь на доктрине, под «подозрением» можно понимать вероятностное предположение о совершении лицом преступного деяния. Данные, указывающие на подобные выводы могут появиться как в рамках уже возбужденного против него уголовного дела, так и до этого момента. Во-вторых, как по отношению к подозреваемому, так и по отношению к заподозренному правоохранительными органами ведется избобличительная (обвинительная) деятельность. В-третьих, и тот и другой вправе пользоваться услугами защитника.

На основании представленных аргументов можно заключить, что лицо, в отношении которого возникло подозрение, по смысловому содержанию может быть приравнено к подозреваемому. Однако следует подчеркнуть, что данное лицо не может быть отождествлено с обвиняемым, поскольку законодательство требует наличия достаточных доказательств

для предъявления обвинения, а на стадии возбуждения уголовного дела их собирание в необходимом объеме невозможно.

Обобщая вышеизложенное, представляется целесообразным определить в уголовно-процессуальном законе статус лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, и его процессуальные возможности. Сделать это можно, распространив процессуальный статус подозреваемого на стадию возбуждения уголовного дела, наделив лицо статусом подозреваемого с момента фактического задержания, с соответствующим объемом прав.

Предложенный вариант решения рассматриваемой проблемы, по нашему мнению, позволит прийти к более ясному пониманию процессуального статуса лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальную орбиту, к соблюдению их прав и законных интересов.

Список источников

1. *Исмагилова Э. М.* Обеспечение прав лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. *Шипицына В. В.* Обеспечение прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
3. *Булатов Б. Б.* Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность : монография. М., 2013.
4. *Давлетов А. А.* Процессуальное положение личности в стадии возбуждения уголовного дела : монография. М., 2022.
5. *Головкин Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве : монография. СПб., 2002.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. Совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртене. М., 2004.
7. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912.
8. *Козубенко Ю. В.* Уголовное преследование: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
9. *Хасинов Э. М.* Уголовное преследование по делам о контрабанде вооружения и военной техники: по материалам таможенных органов РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
10. *Картохина О. А.* Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
11. *Халиулин А. Г.* Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

12. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 11-П от 27 июня 2000 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

13. Азаренок Н. В. Уголовно-процессуальный порядок появления уголовно преследуемого лица не соответствует логике уголовного преследования // Российский следователь. 2011. № 23.

14. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1.

Ю. С. Белокурова, Д. С. Крылова

Стратегия разрешения следователем конфликтных ситуаций при производстве обыска

Обыск (ст. 182 УПК РФ) — одно из наиболее сложных и процессуально регламентированных следственных действий. Его проведение связано с ограничением конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища и частной жизни, что само по себе создает почву для напряженности. Таким образом, можно сделать вывод, что производство обыска как следственное действие, сопряженное с вторжением в частную сферу личности, обладает высоким конфликтогенным потенциалом.

Еще в 1967 г. А. Р. Ратинов писал, что «ситуация без конфликта — это полное или частичное согласие интересов участников взаимодействия, целей, направленных на усилия на данном этапе расследования. При развитии конкурентных и противоборствующих отношений между участниками процесса возникают конфликтные ситуации различной продолжительности и остроты» [1, с. 23].

Конфликтные отношения при обыске могут возникать между обыскивающим и обыскиваемым, его семьей, свидетелями, поэтому сотрудники правоохранительных органов должны постоянно следить за своими действиями, продумывать форму и содержание речевых оборотов, выбирать сдержанные и правильные манеры поведения [2, с. 86].

В ходе исследования проводился опрос 37 следователей органов внутренних дел Тверской и Ярославской областей, 23 из которых (62%) на вопрос о конфликтных ситуациях при производстве обыска ответили положительно.